

Цикл Виталия Храмова

КАТАРСИС

Северная Башня

Старый Мамонт

Виталий Храмов

СТАРЫЙ
МАМОНТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х89

Серия «Попаданец»
Выпуск 35

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Х89 Храмов, Виталий Иванович

Катарсис: Старый Мамонт: роман / Виталий Храмов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-106600-0

Старый Мамонт, он же — Белая Башня, он же — Северянин, он же — Разрушитель... Не для того затащил его тиниственный игрок на Большую Игру, чтобы тупо следовать всяким пророчествам. Старик со своей командой — кузнецом Молотом, зверолодом Корком, человекопсом Рексом, Наследником, магом Тьмы Марком — пройдет через Чистильщиков, Бродяг, Пауков, Черное Братство, не запятнавшись Скверной, и расставит фигуры на доске по-своему...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106600-0

© Виталий Храмов, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

МЕРЦАНИЕ

Глава 1

— Ну, дети мои, что делать будем? Деньги-то — тютю! — спрашиваю я, испепеляя гневным взглядом этих прожорливых тварей, особенно одну, что мало того, что перестала меня греть ночами и сожигательствует теперь со своим звере-собратом, известным как Атос... Черт, пора менять «легенду». Так вот, эта ветреная, непостоянная тварь теперь отказывается жрать других тварей. Ей подавай — мяса. И желательно — не сырого. А вареного. В виде мясного рагу. Пустую кашу тварь не жрёт. И охотиться не желает. Ах, ну да! Я же и запретил. Реально дешевле её кормить покупным мясом, чем выплачивать штрафы егерям. Тут бесхозной дичи нет. На всех — номера госрегистрации и маячки ГЛОНАСС. А местные скверны какие-то бедные на съедобных тварей.

— Надо денег добыть, — вносит предложение Молот, он же — Портос, он же — Капитан Очевидность.

Не, не буду пока менять «легенду». Не успели мы засветиться особо. Эти имена знают только Охотники. Не самые болтливые парни. Тем более что после резни Чёрного Оплота не видать их и не слышать.

И этот — туда же. Пятый с важным видом кивает.

— Спасибо, Капитан Очевидность! — Не удержался я. — А по делу?

Молот всё больше соответствует Портосу и всё больше догоняет Атоса в габаритах. «Сдутого» Атоса. Его боевую модификацию Халка — не догнать никому. Это противоестественно. Даже стероидные фанатики на Земле не набирают таких форм. И Арамис вытянулся. Оказалось, что их миниатюризация — не генетика, а тупо — хроническое недоедание. Особенно разительно заметно по Арамису — вытянулся, как побег бамбука! Как раз в таких случаях и говорят — растёт не по дням, а по часам!

Да, Арамис... Он же — Пятый. Последнее золото ушло на взятку, чтобы Пятого не сожгли. И меня — тоже.

Козёл драный! Щенок! Каналья! Убил Клирика! Прямо в храме. Пошли упокаивать моего сожителя — Духа, Клирик стал выёживаться. Заподозрил в нас Тьму. Тупой святоша! Метку Повелителя Скелетов, которая к нам прилипла, когда мы Повелителя убили, — от скверны не смог отличить. Кричать стал. Я и моргнуть не успел, как Пятый ему рот заткнул. Метательным топором. А меня заткнул — простым и понятным словом, сказанным по-русски:

— Сука!

Истинно велик и могуч русский язык! Просто — волшебен. Развязывает сомкнутый рот даже немым, старый добрый мат пробивает психологические стрессовые заторы, что мешали парню говорить. Но оказалось, что я слишком часто матерюсь. Без излишних переводов для местных. Это — не переводится. У дешифратора — цензура прошита в BIOS.

Пока я зависал от того, что немой Пятый заговорил, набежала стража. Заперли нас в кутузку. С бомжами какими-то. А потом пришёл начальник райотдела милиции. Ассоциация с райотделом не подвела — при-

шёл с весьма простым предложением. Простым и понятным. Миры — разные, люди — одинаковые.

И утром мы наблюдали собственную казнь не со сцены, а со зрительских трибун. Вместо нас казнили как раз тех бомжей. Но мне не до общечеловеческих ценностей, «слезы ребёнка», и прочей отвлечённой шелухи, когда своя шкура — уютнее.

Им, казнённым, не повезло — у них не оказалось золота. А у нас — оказалось. Нашлось. Случайно. Как знал, как знал! Золото — такая штука, многое упрощает. Бывает, что осложняет, но тут — упростило.

Ясно, что с того милого городка пришлось бежать. Налегке. Без золота бежалось легче.

А вот жить без золота — совсем сложно. Жить. Выживать. И что-то не попались нам больше твари с золотыми кругляшками в поясных тайниках. И вот мы сидим за столом таверны города, где живёт целый князь с рогатым гербом, горестно гоняем медяки по столу. Не то, что на номер — на ужин не хватает.

Как мы попали в этот город? По шерсти шли. К городу идёшь — всем пох... от города — какие-то мужики в форменных накидках, как у ППС, пристают, угрожают, дезертирами обзывают. Странные.

Хотя, говорят, тут — война. Местный князь, сохатый, забурел и на Императора батон крошит. Говорят, есть причина. Наследник престола вроде на хрен, что ли, этому оленю-князю наступил? Обидел князя, в общем. Странные люди. Ну, раздавил он тебе достоинство, что теперь — сепаратистом становиться? Лавры Стеньки Разина снятся? Чеченец недорезанный. Дудаев местный. А мы тут встречаем из-за ущемлённых амбиций!

— Ну, и что так загадочно молчим? Где деньги, Зин? — спрашиваю я с самым суровым видом. И качаю головой. Потому что они — оглядываются. Зину ищут.

Тяжело мне с ними. Только и умеют, что топорами махать. Вот!

— Пошли искать Дом наёмников, — говорю я, ссылая медяки в тощий кошель.

Идём. Пятый тащит за поводья нашу лошадь с нашей телегой. Да-да — ещё одна огромная дыра в бюджете. Фураж ей ещё покупай! Как-то сложно в этом мире с подножным кормом, травкой и ягелем. А всё — лень. Моя. Тяжело мне, видите ли, таскать броню и скарб на загровке!

Опять матерюсь, забывшись, при детях. А они — на ус мотают. Ну, Арамису ещё некуда мотать, а вот Молот мотает. Полез у него пушок на губы. А вот у Атоса волосы растут только на голове. Расовая особенность. Даже там, где всегда спрятано, от стыда, — нет волос. В бане видел. И тело голое, как у змеи. Ни шерстинки. Зато на голове — богато! Как у девицы хорошей. Ещё и ленточки в косы вплетает. Не смеюсь — реально. Много мелких косичек, как негры делают, только — с ленточками. Сколько врагов убил — столько нитей должно быть. А у него не нитки — ленты. Просто он Бродяг — за людей считает.

Я — не считаю. Это первый раз Бродяги у меня жуть вызвали. Теперь — что хворост порубить. Считаю их штуками, а не как Корг — по головам.

Ну, судьба у нас такая. Иные караванщики месяцами ходят без происшествий. А нам, как наймёмся — то Бродяги, то твари, то гоп-стоп. Купцы быстро приложили палец к носу, сложили два к двум — одни теперь мы ходим от города к городу. Купцы не нанимают нас, считают — у нас карма плохая. И — не возразишь. Мы — везучие. Бесплатно Бродяг мутузим. Как не стало караванов — гоп-стоп лихих людей и твари к нам интерес перестали проявлять. А Бродяги — тянутся. И были бы,

как в Пограничье, — хорошо бы, но сплошь голодранцы. Просто кости. Даже железочки захудалой не сдашь кузнецу за заточку топоров, чтоб расплатиться взаимозачётом. Самим приходится править и точить.

Дом гильдии — пустой. Пустые столы. Только девица-красавица скучает за стойкой ресепшена. Нет, уже не скучает, кричит нам фразой из классика, что с котами — нельзя. Отправили Кису к Арамису, что стережёт нажитое непосильным мордобоем. И Портос пошёл. Потому как Киса и лошадь — это бурная химическая реакция. Не сочетаются они.

Интересуюсь — почёму такая красавица нервная? Не потому ли, что зал гильдии — пуст? Сиротливые пустые столы, простаивающая кухня, прокисающее вино. И только одно предложение о найме на большой чёрной доске — князь Дома Лося нанимает воинов.

Да-да, научился я читать. Потому как — надоело деревенщиной ходить. Выучил я правила сложения и вычитания их иероглифов. Сопоставились в моей голове начертанное пером и произнесённое топором. Тут им письменность явно китаец «изобретал». Вот, зуб даю! А если серьёзно, то не иероглифы это, а «черты». Наши историки такой период нашей, земной, истории называют «клинопись».

А есть в мире ещё — «руны». Но руны — это тайный язык магов. Потому как запитанные Силой руны — заклинания. И имеют вполне реальную возможность изменять, как там Дух говорит, а-а, «материально-энергетическую структуру мира»? Да, так выражается этот нахлебник. Подселился — не прогонишь.

«Я, между прочим, работаю», — вякает Дух.

«А я, гля, баклуши бью!» — злюсь я.

Девица томно вздыхает, не надо, прошу, а то я — обет нарушу! И так сдерживаюсь уже на самом краю

капитуляции перед твоими ресницами! Естественно, говорю это вслух. Вот! Похоже, будет сегодня сеновал и большая, чистая любовь. Нет, не будет. Когда к ней наклоняюсь, пропадают всякие стремления низменности в неведомые выси, просто и прозаически — воняет.

Вот такой я — брезгливый. Частоплотный чистоплюй. Да, это — ещё одна дыра в бюджете. Мойни. Купальни, бани. Горячая вода, одним словом. А это — дорого! Даже раз в неделю — разорение!

Прошу позвать того, с кем я могу поговорить об этом найме. Других предложений нет. Этот олень, князь Лось применил административный ресурс и парализовал работу гильдий Наёмников и Охотников. Ну, Охотники не особо и заметили — они «ушли в тень», а вот Наёмникам иной работы, кроме как война, не осталось. Во всём северо-востоке. Вернее, во всём Северо-Восточном Союзе Чести. Так мятежники себя называли. Интересно, Император их так же называет или как майданутые — «сепаратистами АТО»? Хотя — не интересно. Пусть вешают какие угодно ярлыки. Нам — деньги нужны.

Можно, конечно, пойти в Банк, мы как раз проходили мимо их помпезного здания, но чутьё мне подсказывает, что не стоит. Она, чуйка, боится геморроя. На себя, чуйку.

Черт, угораздило же нас вести этого долбаного купца в воюющую страну! Чтоб ты разорился! И тебя с этого Лосинога Острова тоже не выпустили! Позарился на дарёного коня — старую клячу и ветхую телегу.

— А регистрироваться вы будете? — кричит в спину регистраторша.

— А смысл?

— Наёмники гильдии стоят дороже. Страховка опять же. Скидка при найме жилья, что принадлежит гиль-

дии. Не только в этом городе, а в любом Крыле гильдии. Скидка на обеды в нашей кухне. А если регистрируетесь как рота, то расценки идут — отрядные, а не личные.

— И сколько нам это будет стоить?

— С тех, кто регистрируется сейчас, — девушка показала на пустую почти доску, — ничего. Всё взял на себя Дом Лося. А обычно — два медных с личника, серебро с роты и десятая доля заработка постоянно.

— По-божески, — киваю я, разворачиваюсь и иду к ней, — что от нас требуется? Анкета?

— Что? Нет. Вы ответите мне на вопросы, я заполню вот эту карточку — и всё.

— Ну, давай. Спрашивай, — улыбаюсь я. Не анкета. Картотека.

— Какое название у вашего отряда? Численный состав?

— Вот, блин! У нас нет названия! Нас — пятеро. А наш боевой зверь — считается?

— Нет, не считается, но это не важно. До десятка, до сотни, или — тысяча. Тысяча уже имеет право на свой флаг и называться — полк. И расценки идут иные. А четыре или пять — не важно. Нужно название. И клятва. Клириками утверждённая. Или Магом крови. Но Магов крови в городе нет. Тогда ваша стоимость сразу возрастает на треть.

— И сколько будет?

— Если лично, с оружием заказчика — двадцать медяков в месяц. Со своим — серебрушка. Конно — десять. Маг — уже золотые расценки. Вы — не маги? Жаль, что — нет. Рота. У вас — до десятка, со своим оружием — вы тоже от десяти серебра. Не рота — по отдельности...

Она морщила лоб и считала, сколько будет один умножить на четыре. Вот, лицо озарилось:

— Пять!

Всё же она посчитала Кису за Наёмника. Бывает.

— Мы пойдём, роту оформим, название придумаем, хорошо? — говорю с ней, как с ребёнком, всё же сильное впечатление на меня произвели её успехи в арифметике. Выхожу, вполголоса рассказываю своим «родственникам» этот анекдот. Тоже лбы морщат. Украдкой от меня пальцы загибают. Такое же озарение на лицах.

— Четыре! — они «поняли» соль юмора.

— Нет, она Кису — посчитала, — мне стало грустно.

Придётся учить их считать. А я-то думаю, что они живут так щедро? А они просто считать деньги не умеют! И — читать. Ещё одно ярмо на шею. И читать придётся научить. А мы всё как-то — спарринги да спарринги — в любую свободную минуту, да способы оказания первой доврачебной помощи — изучаем. А надо их бы в школу загнать. Хотя бы в начальную.

Вздыхаю, школа в этом мире — роскошь. Умеющий читать и знающий хотя бы начальный счёт, как эта девица — уже, наверное, спецы, белые воротнички. Могут работать офисным планктоном. Вон, девушка стоит же за стойкой, а не полы или сковородки драит. Ладно, сам научу. Блин, неужели это так сложно? Да и умеют они. Хоть на пальцах, но умеют. Работам, одним словом.

Да и девушка — не безграмотная. Считать умеет. Это я юморил ради юмора. Она же сказала — «треть», значит, дроби понимает. Просто долго считала всякие «проценты». Да и шутка — не удалась. Хотя удалась — ребята чувствуют себя уязвлёнными. Легче будет их за парты усаживать.

— Так, проехали, — говорю, — давайте быстренько придумаем название. Надо что-то неприметное, не помпезное, но отражающее суть.

Опять — беда! Ну, не будем же мы «Д'Артаньян и три мушкетёра»? Или их вариант — «Сильные руки»? Ага,

крепкие затылки! Великолепная пятёрка! Вообще класс! Вестерном запахло. А, это лошадка наша виновата. Четыре танкиста и собака! Придумал! Я — пан Янек, гля!

Быстренько! Уже полчаса ругаемся на пустой желудок. А нам ещё — Клирика-нотариуса искать!

— Черт, — в сердцах кричу, — жрать хочу! Я иду искать Клирика, если не придумаете к моему возвращению название, назову команду — «Яблоко»!

А что? Стив Жобс так и сделал. Надгрызанное яблоко судьбы получилось. Какой-то попаданец с планшетом оказался в нашем далёком прошлом, в Древней Руси, отсюда — сказка про блюдечко с голубой каёмочкой, яблочко катается — сказки показывает. А моё «блюдечко» злой дядька отобрал. Божественный гопник.

Нашёл здание храма — благо, не трудно — ищи центр города, иди на шпиль с треугольником. Сложнее было договориться. Составление и освящение клятвы имело определённую стоимость, а у меня — денег нет. Но зато есть большой опыт бизнеса по-русски. Бартер и взаимозачёт.

Тогда, в девяносто восьмом и девяносто девятом, денег вдруг не стало. Сказали — кризис. Но мы же не американцы, чтобы бизнес закрывать по такому мелочному поводу. Работали дальше. Ты — мне, я — тебе. Благо — все друг друга знают как облупленных — изучили друг друга ещё в лихие годы, когда киллеры толпами бегали. Выжившие были как одна большая семья — всё обо всех знают и, так же как в хреновой семье, друг друга любят до скрежета зубного. Но в тот раз как-то общаком решили, что или все дружно выгребаем, или все дружно валим в туман небытия. Скооперировались. Взаимозачёты. Все всем должны. Кругооборот обязательств в природе. Оглянуться не успели за этой суетой — и кризиса нет.

Ну, у нас, у бывших советских, жить без денег — в крови. Не привыкать. Не успели мы перейти психически с меновой торговли на денежные отношения. У нас ещё сохранилось кое-что, что не продаётся. Что дороже денег. Честь, слово, например.

Как там прекраснотушныи мечтатели-утописты на заре социализма мечтали, что денег вообще не станет? И такое может статься. Только вот беда — все их мечты имеют один изъян: требуют человека, что будет жить по совести. А вот это уже нереально. Чтобы все, все поголовно жили равно по совести? Все равны? Всегда найдётся кто-то, кто будет жить ровнее. Как там, про слабое звено? Не зря пелась песня, что все совки связаны одной цепью. Так и было. Но слабые звенья — цепь разомкнули.

Говорили — свободу мы получили. А по мне — рабство мы получили. Денежные кандалы. Невидимые, но очень прочные и тяжёлые. Получили мы свободу от совести, от чести, достоинства. От безопасности, спокойствия, благополучия. Свободу от будущего. Только в двадцать первом веке начали стягивать «цепи» обратно. И то... А-а-а, какая мне теперь разница?!

Возвращаюсь к моим, хм, баранам, что так и топчутся у Гильдии Наёмников.

— Пошли, — говорю. — Да, название придумали?

— Нет. Но яблоком быть не хотим. Дед, а как называется вот это? — Молот мне показывает на почти У-образную щель на наших шлемах.

— Игрек, — отвечаю я. — Так и назовёмся — Игреки?

— Мне нравится, — басит Атос-Корк.

— И мне, — говорит Портос-Молот.

Арамис-Пятый — кивает. Кису — можно не спрашивать. Она, как тот Му-Му Герасима — на всё согласная.

— А сколько у нас шпаг — четыре... — вырвалось ассоциативное. Переглядываются, но уже привыкли к моим «чудинкам».

Клятва — простая, как законы робототехники — не причинять друг другу зла ни действием, ни противодействием, ни словом, ни делом, ни помыслом. Что-то такое. Почему мне фиолетово? Потому как не верю я никаким клятвам. Верю другим способам достижения лояльности, верности и сложения коллективов в единые команды. Клятва эта для меня — официоз, необходимая бумажка, не более.

Ножи, кровь на пергамент, печать засияла, всё, клятва — работает.

— А теперь — танцуем! — пою я. — Сегодня мы с тобой — танцуем. И забываем обо всём!

Нет, не танцуем. Дрова рубим. Огромную гору кругляков колем на поленья, складываем штабель дров — стеной поленьев. Клирик жалуется, что «эта война с ересью в Порубежье» оставила его без прислуги — послушников, а «эта глупая война за глупую девку» — без прихожан. Рубим, как заведённые. Дотемна. Но святой отец (впервые вижу святошу, которого так и тянет именно так назвать) нас накормил, пусть и довольно просто, но обильно — каша, квашеная капуста (или что-то очень похожее), хлеб, что-то типа белого кваса или легкой браги. Да ещё и на ночёвку разместил.

И ещё часа два забавлялись мы с ним теологическими спорами — сколько надо схлопотать скверны, чтобы оскверниться? Этот святоша увидел наши метки, но верно их распознал. Сказал, что ещё пара недель — сойдёт само. И Духа во мне учуял. Сетовал, что не дал ему Тринединный столько Силы, а то помог бы изгнать. На вопрос — почему не тащит меня на костёр, ведь во мне сущность сидит, отвечает, что Тьмы и скверны во мне